

И. О. ГАВРИТУХИН
**ПРЯЖКИ С КОРОБЧАТОЙ ПЕТЛЕЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ
ЕВРОПЫ**

В VII в. у многих народов, живших от верховьев Рейна и Италии на западе до бассейна Дона на востоке, распространяется мода использовать для пристегивания сумок и, вероятно, другого имущества, небольшие (4-6 см длиной) цельнолитые пряжки, в задней части которых делалась возвышающаяся над поверхностью изделия петля, напоминающая прямоугольную или овальную коробочку. Функциональное назначение этого нововведения вполне очевидно. Петля придавала дополнительную устойчивость предмету, подвешиваемому, например, к боковому ремешку пояса. Этим же достигалось и некоторое уменьшение нагрузки на язычок пряжки, что также делало крепление более надежным.

В отечественной литературе подобные пряжки иногда называют "сумочными". Такая детализация их функции не представляется достаточно обоснованной. Хотя в ряде случаев принадлежность подобных пряжек сумкам убедительно документирована, нередко это можно и оспорить, например, по материалам, собранным С. Уенце (1, с. 173-176; 2, с. 44-45). В принципе, с помощью интересующих нас пряжек могли подвешиваться не только сумки, но и ножи в ножнах, и другие предметы. Нельзя исключить также возможность использования подобных пряжек более широко, хотя достоверные случаи этого для рассматриваемых типов и не зафиксированы.

Предложенный С. Уенце термин "пряжки с ременной петлей" (Schnallen mit Riemenschlaufe) представляется слишком неопределенным, в отличие от отвергнутого ею наименования Й. Вернера "Schnallen mit hinter Kastchenschlaufe". В несколько упрощенном виде оно и предлагается в качестве основы термина на русском языке. Подобный подход, кажется, был и у А. К. Амброза, сначала переведившего термин С. Уенце почти дословно (3, с. 113, 114), а позднее введившего в термин характеристику петли (4, с. 88; работа в настоящем издании). Но название "поперечная" менее удачно, чем подобранное Й. Вернером.

Наиболее обстоятельно пряжки с коробчатой петлей изучены С. Уенце (1). Предложенная ею типология отражает прежде всего общий облик, "решение" вещи. Это позволило выделить типы и их группы, связанные в ряде случаев с вполне определенным культурным контекстом. Введенные наименования типов стали у специалистов общепринятыми (5, с. 24; 6, с. 47-49; 2, с. 44-45; 7, с. 45 и др.), используются они и в данной работе. Кроме вопросов терминологии, функции, типологии интересующих нас пряжек и их основополагающей сводки, работа С. Уенце важна и целым рядом тонких наблюдений над стилем изделий, хотя, очевидно, не исчерпывает всех проблем, связанных с этими пряжками и не свободна от спорных положений. Прежде всего, это касается так называемой "восточной" группы типов, весьма неопределенной как географически, так и в вопросах, связанных с их конкретно-историческим - контекстом, особенно на фоне вполне выразительных "итальянских" и "баварских" групп.

Важный шаг в изучении "восточной" группы был сделан А. К. Амброзом в связи с работой по хронологии восточноевропейских памятников. Уже С. Уенце показала, что интересующие нас пряжки в Карпатской котловине одновременны поясам, подобным мартыновским, и поясам с псевдопряжками. Она датирует этот

горизонт третьей третью VI - первой половиной VII в., исходя из широко распространенной практики ссылаться на отдельные комплексы, содержащие монеты (I, с. 143-146, 150-156). А. К. Амброз показал, что в аварских древностях так называемой I группы, к которой относятся памятники, рассмотренные С. Уенце, пока нельзя выделить комплексы VI в. (8, с. 53; 4, с. 88-94; 3, с. 121-123). А интересующие нас пряжки не относятся к наиболее раннему горизонту I аварской группы и в целом синхронны италийским и баварским типам (4, с. 88-89).

Основанием для такой точки зрения стал пересмотр А. К. Амброзом восточноевропейской хронологии, на которую часто ссылаются при определении дат I аварской группы. В Восточной Европе горизонт псевдопряжек существовал позднее середины VII в., судя по находкам монет в Малом Перещепино и Келегеях. Даты поясов, схожих с мартыновскими, опираются на хронологию южнокрымских могильников типа Суук-Су. Пряжки с коробчатой петлей сочетаются там с пряжками типа Сиракузы и поясами с геральдической гарнитурой 3-й стилистической группы. В синхронных комплексах встречаются также орлиноголовые пряжки IV подварианта, днепровские пальчатые и антропозооморфные фибулы, IV вариант крымских двупластинчатых фибул (маленькие литые с треугольной ножкой) и т. д. Весь этот горизонт древностей (4-й горизонт Суук-Су) должен датироваться VII в., исключая начало столетия, по монетам Ираклия (630-641 гг.), из раскопок А. И. Айбабина в Эски-Кермене и по монете конца VI в. в одном из комплексов 2-го горизонта Суук-Су. (3, с. 112-120; 9).

Исследования А. И. Айбабина (7) подтвердили наблюдения А. К. Амброза. А в предложенной им хронологической таблице сочетаемости вещей интересующие нас пряжки помещены среди древностей, характерных для погребений третьей четверти VII в., поскольку в комплексах, где такие пряжки встречены, есть как вещи, существовавшие со второй половины VI в. или характерные только для VII в., так и появившиеся, по мнению А. И. Айбабина, лишь во второй половине VII в. (7, с. 180-181, № 45, с. 45). Точка зрения А. К. Амброза и А. И. Айбабина не стала общепринятой, хотя ее "молчаливые критики" не привели аргументов против новой хронологии крымских древностей и неприменимости ее для памятников иных культур. Сказанное заставляет признать, что по материалам Крыма пряжки с коробчатой петлей "восточных" типов должны датироваться VII в., по крайней мере до его середины. Вероятно, и позже они были в употреблении, а предполагать их появление в VI или начале VII в. пока нет оснований.

Ряд находок интересующих нас типов пряжек сделан на территории балкано-дунайского лимеса и провинций Византии. В литературе неоднократно отмечалась важность этих памятников для датирования и интерпретации позднеантичных и раннесредневековых вещей, поскольку последовательность исследованных на ряде памятников слоев перестроек и пожаров датируется монетами и письменными источниками (10; 11). С. Уенце и многие другие исследователи, учитывая сказанное, часто ссылаются на вещи из Салоны, разрушенной аварами и(или) славянами в начале VII в., как на доказательство бытования происходящих оттуда находок по крайней мере в конце VI в. Однако, если судить по данным письменных источников, завоевание города произошло, скорее всего, до 610 г. (12, с. 362), наиболее поздние находки на городском некрополе, если судить по надгробиям, сохранившимся до настоящего времени, относятся к 612-615 гг. С. Уенце присоединяется к дате 614 г. (1, с. 143). В то же время, среди находок ранневизантийской эпохи в Салоне были вещи, встреченные на других территориях в хорошо датирующихся комплексах VII в., а также монеты 624/625 и 630/631 гг. (5; 12, с. 363-364).

Пряжки с коробчатой петлей найдены в Салоне вне комплекса, потому не могут быть опорой для "ранней" датировки этих типов.

Одна из пряжек с коробчатой петлей, найденных в Истре, обнаружена в горизонте "Е" (по П. Шувалову) этого памятника (13, с. 223), другая найдена вне комплекса. Дата горизонта "Е" Истре определяется монетами начала VII в. и стратиграфически: положением над разрушениями, уничтожившими горизонт "Д" этого памятника с монетами 90-х гг. VI в. Как долго это поселение существовало в VII в., сказать пока трудно. В слое I Суцидавы, содержащем и монету 613 г., найдена также пряжка типа Салона-Истрия и поясная пряжка типа Сиракузы (каталог i 20). Подтверждением датировки интересующих нас пряжек именно VII в. служит и их отсутствие в достоверных слоях памятников дунайского лимеса и провинций Византии, отложившихся до аварских и славянских походов конца VI в., хотя эти древности исследованы весьма широко.

В Карпатской котловине, как было отмечено выше, ряд пряжек с коробчатой петлей найден в комплексах в древностях, часто сопоставляемыми с мартыновскими находками. Начиная с Й. Вернера, многие исследователи относят их к VII в. А. К. Амброз, опираясь на даты крымских могильников, считал возможным сузить эту дату до середины - второй половины VII в. В то же время некоторые авторы датируют эти вещи более ранним временем (2; 15; 16). Аргументация сводится в основном к трем положениям: 1) ссылкам на однотипность стиля этих вещей с деталями поясов, известных на византийских памятниках середины - второй половины VI в.; 2) ссылке на восточноевропейские находки, откуда этот стиль попал в Подунавье с аварами или еще раньше, с отдельными болгарскими группами; 3) точке зрения, что горизонт вещей, близких мартыновским, предшествовал многогостным поясам центральноевропейских типов. Все это заставляет рассмотреть находки из Карпатской котловины подробнее.

Следует сразу же отметить недостаточную четкость в выделении круга древностей, сопоставляемых с мартыновскими, которые, кстати, происходят из нескольких поступлений (17). Подразумеваются, как правило, поясные наконечники либо с тамгообразным украшением, либо с элементами т. н. "геральдического" стиля (их часто называют стилем "масковых накладок"), либо сочетание этих компонентов, иногда с небольшими литыми фигурными накладками. Причем все перечисленные наконечники поясов известны в комплексах, относящихся к среднеаварскому I периоду (здесь и далее периоды, кроме специально оговоренных случаев, даны по (19), то есть датируемых в рамках второй трети VII в. Например: Адонь, Гатер, погр. II (модели для прессовки), Кестхей-Фенекпуста, погр. I и III - с деталями геральдического стиля (16), Кишкереш, погр. 9 - с поясным наконечником, украшенным "тамгами" и маленькими литыми фигурными накладками (18, т. XXIV, с. 98-102; уточнение даты см. 20, с. 129). А это делает уязвимым 3-й пункт упомянутой аргументации сторонников ранней датировки.

Уязвим и второй ее пункт. Не вступая в детальную дискуссию, следует отметить, что использование древностей "восточных" степей для более детальной датировки аварских пока связано с серьезными трудностями. Во-первых, поскольку сами памятники евразийской степи изучены не достаточно, чтобы давать необходимую узкую дату (21, с. 10-22). Во-вторых, нет оснований считать, что "восточные" параллели в древностях Среднего Подунавья связаны только с переселенцами, составившими ядро войск Бояна, или другими миграциями, отраженными в письменных источниках.

Наконец, нельзя признать убедительным и первый пункт рассматриваемых аргументов. Действительно, ряд находок в византийских крепостях может рассматриваться в качестве прототипов мартыновским и их аналогов (22), но они отличаются от известных севернее поясных наборов как деталями-формы и характером украшения накладок, так и отсутствием тамгообразной орнаментации. Причем подобная орнаментация встречается на поясных наконечниках, найденных на Балканах, но связаны эти вещи с горизонтом, относящимся ко времени после походов конца VI в., например, в Царичин-граде (23, рис. 37.13, с. 177).

В данной работе нет возможности обсуждать затронутую тему детально. Приведенные аргументы были нужны и, кажется, достаточны, чтобы показать неправомочность простой ссылки на находки, сходные с мартыновскими, для обоснования ранней даты связанных с ними древностей. Наиболее перспективным направлением для разработки внутренней периодизации и хронологии распространенных в Карпатской котловине стилей прессованной и геральдической поясной гарнитуры и всего комплекса связанных с ними вещей представляется разработка периодизации крупных могильников, содержащих эти материалы, и синхронизация полученных шкал, опирающаяся на каталоги основных элементов стилей по "узким" вариантам. Эта работа, начатая И. Ковриг, пока еще далека от завершения. Здесь же предполагается под этим углом зрения рассмотреть некоторые памятники Карпатской котловины, где найдены пряжки с коробчатой петлей "восточной" группы.

Ряд важнейших могильников, где были найдены интересующие нас пряжки, не опубликован целиком (Покасепетк, Арадац, Чакберень и др.), поэтому в данной работе эти памятники рассматриваться не могут. Другие - не исследованы с необходимой в данном случае полнотой (например, Печь-К±зметето, где погребение 54 с пряжкой типа Папа находится на самом краю исследованного участка (24, с. 93, рис. 49, с. 95), и др.

Две пряжки типа Салона-Истрия и одна типа Папа происходят из могильника в Кернье. Исследователи этого памятника считали их синхронными и датировали по поясным наборам с псевдопряжками и элементами геральдического стиля. Их аргументация и другие точки зрения, предложенные к началу 1970-х гг., подробно рассмотрены А. К. Амброзом (25). Сам он относил эти комплексы к последней фазе I аварской группы - "Ic" (4, с. 88, 89, 92). Автор настоящей работы считал возможным датировать такие комплексы в рамках среднеаварского I и, отчасти, раннеаварского II периодов (19, с. 128-130, 124-125). В недавней работе М. Мартина (15, с. 69-75, 87) пояса из Кърнье разделены на 5 групп (А, 2а, 2в, 3, 4), хронологическую позицию которых он оценивает по местоположению на могильниках, совстречаемостью с различными видами вооружения и часто использувавшемуся ранее сравнению с материалами Алатгьяна и Линца-Цицлау. Выделенные 3-я и 4-я группы имеют аналогии среди поясов 2-й группы Алатгьяна, а в Линце-Цицлау похожие детали поясов встречаются в зоне меровингских поясов 3-й ступени по Р.Христлайну (630/640-670/690 гг.). Им предшествуют пояса групп 2а и 2в, находящие аналоги в 1-й группе Алатгьяна. В целом, эти результаты близки полученным А. К. Амброзом на основе анализа стремян и восточноевропейских аналогий. Автор предлагаемой статьи пришел к тем же выводам, опираясь на стилистические наблюдения. Расхождения касаются оценки некоторых комплексов, но до получения новых материалов их анализ вряд ли будет целесообразен. А для данной статьи это вообще не так важно, поскольку погр.109 из Кърнье, где найдена пряжка типа Салона-Истрия, отнесенное М. Мартином, как и автором

данной статьи, к среднеаварскому I периоду, а А. К. Амброзом к периоду Ic, несмотря на различие систем, датируется второй третью VII в. В погр. 106 из К \pm рнье. с обломком такой пряжки, инвентарь более беден и допускает датировку как среднеаварским I, так и раннеаварским II периодами. М. Мартин и А. К. Амброз это погребение не рассматривали.

Принципиальные расхождения касаются оценки комплексов с трехчастными таушированными поясами (группа А по М. Мартину), в одном из которых (погр. 66) найдена пряжка типа Папа. Такие пояса относятся к ступени 2 по Р. Христлайну (570/590-630/640 гг.). А. К. Амброз считал возможным синхронизировать погр. 66 с выделенной им группой Ic, опираясь на дату стремян из соседней могилы коня (4, с. 92, рис. 4) и учитывая, что в Линце-Цицлау отдельные погребения с такими поясами расположены среди более поздних могил. Поэтому А. К. Амброз, вслед за другими специалистами, считал, что могильник в Цицлау возник в период смены стилей, когда пояса 3-й группы по Р. Христлайну уже существовали, и датировали его не ранее 620/630 гг. (4, с. 91). М. Мартин показал, что на этом памятнике все же выделяется участок, где концентрируются трехчастные пояса. Это, наряду с другими наблюдениями, позволило предположить существование на могильнике Цицлау участка более раннего, чем погребения с поясами 3-й ступени по Р. Христлайну и элементами, свидетельствующими о связях людей, оставивших могильник, с аварами (15, с. 68-69, 84-86). Работа М. Мартина с материалами из Швейцарии привела его к выводу, что таушированная орнаментация характерна для ранних поясов 2-й ступени, как и некоторые особенности формы обоймы пряжки и накладок. Погребения с такими деталями он относит ко времени около 600 г. или чуть ранее (15, с. 66). Но для материалов Карпатской котловины едва ли такая дата убедительна. Даже если наблюдения М. Мартина верны, это не доказывает, что они могут быть использованы напрямую для хронологического разделения поясов 2-й ступени повсюду. Кроме того, как уже отмечалось, в Линце-Цицлау к погребениям с трехчастными поясами примыкают могилы с поясами 3-й ступени по Р. Христлайну, что делает маловероятным хронологический разрыв между ними (15, с. 84-85). В К \pm рнье трехчастные пояса не образуют отдельной группы на плане могильника, а их выделения в таблице совстречаемости подкреплено лишь наличием (в противоположность могилам с многочастными поясами) саксов и отсутствием однолезвийных мечей (15, с. 87). Очевидно, это различие может иметь этнокультурный, а не хронологический характер, как и считалось ранее. Сказанное заставляет определять дату трехчастных таушированных поясов в К \pm рнье, а с ними и погребение 66 с пряжкой типа Папа, в общепринятых рамках: конец VI - первая треть VII в., то есть считать их в целом синхронными раннеаварскому II периоду, а не однозначно более ранними. При этом не исключается и некоторое омоложение даты пряжки, учитывая, что верхняя граница того же периода в некоторых хронологических системах может расширяться на всю первую половину VII в., существует также вероятность некоторого запаздывания отдельных вещей.

На могильнике Дьед-Марьяхедь пряжка типа Папа найдена в погребении 34, расположенном среди компактной группы могил посреди кладбища (24, с. 37-47). В этой же группе есть погребение с многочастным набором пояса 2-й группы по Алаттьяну. Севернее к этой группе могил примыкает погребение 40, в котором обнаружена бусина в форме дынной косточки, а с юга - погребение 38 - с литой поясной garniturой. Все это заставляет признать, что описанная группа погребений, как и могильник в целом, появились не ранее, чем в среднеаварский период,

причем вещей, относящихся к его ранней фазе, на могильнике не обнаружено ср: (24, с. 43).

Пряжка типа "с противостоящими зверями" найдена в погребении 48 могильника Зоммерайн. Захоронение расположено в центральной зоне могильника, где Ф. Дайм размещает выделенную им зону раннеаварского и среднеаварского I периодов (2, карта 36). Для нашей темы не важна правомерность всего комплекса его аргументов. Существенно то, что в этой зоне есть и более поздние могилы, ведь самым, пожалуй, существенным аргументом австрийского коллеги является факт перекрывания нескольких могил могилами, относящимися к началу основной фазы существования кладбища. Кроме пряжки, в погребении 48 найдены глазчатые и биконические бусы, а также серьга с подвеской из "пастовой" бусины. Этот инвентарь и определяет хронологию интересующей нас могилы. На таблице встречаемости, приведенной Ф. Даймом, она примыкает к группе погребений 35, 23, 244, 18. На плане все они расположены в зоне позднеаварского и конца среднеаварского периодов. Такая дата совпадает с полученной для серег с бусиной по материалам других памятников (19, с. 132, §II. З. Б.) и с оценкой инвентаря самим Ф. Даймом (2, с. 9). Все это убеждает, что, хотя погр. 48 расположено в центральной части могильника, оно относится к основной фазе его существования, а не ранней, гипотетической. Начало этой фазы, как отмечает и Ф. Дайм, относится к горизонту Игар-Озора (2, с. 71, 81), то есть к концу среднеаварского периода. Другой исследователь могильника в Зоммерайне - А. Липперт, отмечает изношенность пряжки с петлей, ее положение у левой стороны погребенного и отсутствие каких-либо свидетельств о возможной связи этой пряжки с сумкой, поэтому не исключает ее использование как "Antiquitat" (2, с. 44-45). Однако, как было отмечено, использование интересующих нас пряжек для пристегивания сумок - лишь наиболее распространенная, но не единственная их функция. В данном же случае вполне вероятно ее вторичное использование, но это не позволяет дату пряжки считать значительно более ранней, чем погребения, которое, как было сказано, относится ко времени не ранее последней трети VII в.

Пряжка из погребения 6 могильника Гатер найдена с прессованной гарнитурой, близкой второй группе Алатгьяна, и бусами, в том числе в форме дынной косточки. Все это заставляет датировать погребение среднеаварским II периодом, скорее даже его концов (19, с. 193, §II. З. Г.); ср.: (1, с. 154; 4, с. 88).

Здесь же следует отметить, что пряжка типа Салона-Истрия найдена в Секец-Ловченац с монетой 613-631 гг. Таким образом, рассмотренные материалы заставляют признать правомерным предложенное А. К. Амброзом "омоложение" пряжек с коробчатой петлей и датировать их VII в. исключая его конец, и, по-видимому, самое начало столетия. Обсуждать для всей группы узкую дату, предложенную для крымских образцов А. И. Айбабиным, пока представляется преждевременным. Доступные сведения для уточнения даты некоторых экземпляров "восточной" группы из Карпатской котловины для наглядности представлены в таблице.

Дальнейшие перспективы изучения "восточной" группы пряжек с коробчатой петлей связаны с разработкой более четкой, чем существующая ныне, хронологией памятников, их ареалом, изучением специфики этих памятников, привлечением новых находок и более детальной типологией самих пряжек. Некоторым наблюдениям в этом направлении посвящено дальнейшее изложение.

Как показывает опыт работы с некоторыми металлическими изделиями, например, фибулами VII в., типы, характеризующие "решение" вещи в целом, отра-

жают, как правило, общую среду, с которой связано их появление и распространение. Устойчивое соответствие с достаточно компактной территориально и хронологически культурной группой возможно получить, анализируя варианты, выделяемые по специфике реализации деталей вещи (20).

Для анализа "восточных" типов пряжек с коробчатой петлей важными представляются признаки, учитывающие длину и ширину пластины, соединяющей рамку с петлей, а также форму перехода от рамки к соединительной пластине (рис. 1а).

К пряжкам серии I (с относительно узкой и длинной соединительной пластиной) относятся все экземпляры типа Салона-Истрия и большая часть типа Папа. Исключение составляет вещь из Капошварского музея, как и пряжка из коллекции Дьергардта, относимая к типу Папа с долей условности, в качестве "особых форм" (1, с. 152). Экземпляры, относящиеся к I серии рассмотренных типов, выделяются на фоне остальных и тем, что они наиболее просто оформлены. Указанная сумма признаков сближает их с пряжками со щитовидным (а не в форме коробчатой петли) задним концом, которые С. Уенце рассматривает как возможный прототип интересующей нас группы, и пряжек, связанных с населением византийских провинций и зонами влияния византийской культуры (I, с. 165-166).

В типах Гатер и "с противостоящими зверями", наряду с вещами серии I, есть экземпляры серии II (с близкой по ширине петле, часто относительно короткой соединительной пластиной), а также занимающие переходное положение от серии I к серии II. Широкая соединительная пластина, аналогичная образцам II серии, характерна для "итальянских" и некоторых "баварских" типов. Трудно сказать, отражает ли этот признак локальные или какие-либо хронологические различия. Но вне зависимости от решения этого вопроса в целом вполне можно считать, что вещи II серии "восточных" типов появляются несколько позднее, чем I. Это подтверждается поздней датой пряжек из Зоммерайна и Гатера, а также очевидной деградацией некоторых изобразительных деталей (рис. 2). Возможно, расширение пластины происходило под влиянием более западных образцов, но не исключена эволюция и по каким-то иным причинам. Указанные "особые формы", отнесенные С. Уенце к типу Папа, близки по вариациям соединительной пластины вещам типов Гатер и "с противостоящими зверями". Представляется, что их целесообразнее рассматривать как особый тип.

В рамках серии I особенно отчетливо выделяются варианты. Оценивая их значение, следует отметить, что на памятниках, где было найдено по несколько экземпляров пряжек с коробчатой петлей, вне зависимости от типа, все они относятся к схожим вариантам, например, в Истре - к вариантам 4-5, в К±рне, Салоне, могильниках Южного берега Крыма - к вариантам 1-2 (см. каталог). Интересно и сравнение картографирования интересующих нас пряжек по вариантам с распространением некоторых типов пальчатых фибул VII в., также рассмотренных по вариантам (20). Как и фибулы, пряжки с коробчатой петлей, известные у славян Поднепровья, находят параллели на уровне вариантов на памятниках северной части Карпатской котловины и на востоке Семиградья, некоторых пунктах южной Паннонии, отдельных местах на Нижнем Дунае и Балканах. Варианты, характерные для Среднего Поднепровья и Крыма, встречены в Мунтении, Банате, низовьях Савы и Тисы, в отдельных пунктах Панонии и Балкан (рис. 3). Похожую картину дает распространение и некоторых других категорий находок, если их анализировать по узким вариантам. О них автор надеется написать подробнее в последующих работах.

Более дробная типология пряжек с коробчатой петлей серий II и I/II также дает при картографировании результаты весьма четкую картину. В типе "с противостоящими зверями" среди вещей I серии, где отчетливы варианты, ареалы соответствуют описанным выше. Производные от них вещи с противостоящими лошадьми и собаками, где варианты "смазаны", распространены в компактной "контактной" полосе: от среднего течения Тисы до Нижней Австрии и один экземпляр - в Баварии. Пряжка II серии, найденная на севере Донской области, имеет и другой сюжет оформления - противостоящих львов, а квадратная форма рамки сближает ее с некоторыми балканскими находками: из Драчевицы (серия I, вариант 1) и из Семчиново (серия II, особая форма). Пряжки, относящиеся к варианту 3, выделяются также и характером оформления рамки - противостоящими птичками и компактным ареалом - в центральной части Паннонии. Пряжки с подобным вариантом перехода от рамки к соединительной пластине встречены на некоторых образцах "баварской" группы (1, № 69, 72, 75).

Все пряжки I серии типа Гатер относятся к вариантам 1-2. Производные от них пряжки серий I/II и II распространены, как и следовало ожидать, там, где есть фибулы, имеющие ареал, сходны с пряжками 1-2 вариантов других типов. Особые формы, относимые С. Уенце к типу Гатер, встречены в Челеги и Фримано - на компактной территории недалеко от Триеста. Они относятся к серии I/II, и их непосредственная связь с типом Гатер более чем проблематична. Еще в большей степени это касается пряжки, происходящей, вероятно, из Афин (1, № 52).

Уже А. К. Амброз поставил вопрос о неоднородности "восточных" типов (4, с. 88), указав, что типы Гатер, Папа и "с противостоящими зверями" объединяет с "баварскими" типами характер украшения изделия. Это наблюдение подтверждается и характером типологических рядов пряжек типов Гатер и "с противостоящими зверями" (рис. 2), а также отдельного подтипа Капошвар (см. выше и каталог). Сходство характера эволюции этих типов отражает, вероятно, единство среды, где она происходила. Это особая подгруппа, выяснение характера которой зависит от прогресса в изучении "баварских" типов (вполне вероятен пересмотр или существенные дополнения предложенной для них С. Уенце типологии), этнокультурной дифференциации "аварских" древностей, а также результатами изучения состава и характера своеобразной культуры, связанной с Пастырским городищем. Тип Папа, хотя и имеет сходство с этой подгруппой, скорее и по характеру типологического ряда, и по общему облику, ближе к типу Салона-Истрия. А в целом, они, как и "итальянские" типы, наиболее зависимы от влияния провинциально-византийского и связанного с ним ремесла VII в., отправившегося от потрясений конца VI в. и отражающего вкусы, сложившиеся в новой политической и этнокультурной ситуации. Важнейшие характеристики этого явления во многом ясны.

Приведенные наблюдения над типологией, хронологией, ареалами и культурным контекстом пряжек с коробчатой петлей "восточных" типов основываются на отношении к классификации как многоуровневой и весьма подвижной процедуре, зависящей от специфики решаемых задач. Выделение "узкого" варианта вещей, наборов признаков, присущих территориально и хронологически близким древностям, направлены на изучение круга реально контактировавших людей. Иные категории вещей, иной угол зрения, бесспорно, откроют новые реалии (хронологического, культурного, политического и т. д. характера), приближая нас к пониманию сложности, многообразия состава и истории народов, населявших

Восточную Европу, к цели, которой посвятил свое научное творчество А. К. Амброз.

Список находок

Список дан по типам. После номера по порядку следует местонахождение, далее серия, вариант и публикация.

Тип Салона-Истрия. 1, 2 / Салона, I.I // 1, № 1, 2. 3/ Секец-Ловченац, I.I // 1, / 4. 4/ Сэрата-Монтеору п. 564, I.I // 1, № 6, 5/ Сахарная Головка Инкерман скл. 52, I.I // 1, № 7; 7, с. 45. 6, 7/ Суук-Су п. 29, 118 I.I // 1, № 8, 9; 7, рис. 41. 13. 8,9/ Кернье п. 106, 109, I.I // 6, с. 48-49, 97. 10/ Эски-Кермен скл. 285, I.I // 7, с. 45, рис. 41. 14. 11/ Коллекция Дьергардта, I.I // 1, № 10. 12/ Арадац п. III, I.2 // 1, № 3. 13/ Коринф, I.4 // 1, № 14. 14/ Оршова, I.5 // 1, № 5. 15/ Тисадерз п. 3, I.5 // 1, № 12. 16/ Чакберень п. 69, I.5 // 1, № 11. 17/ Истра, I.5 // 1, № 13. 18/ Рашков III, I.5 // Баран В. Д. Пражская культура Поднестровья. Киев: Наукова думка, 1988, с. 21, рис. 12. 6. 19/ Херсонес, ? // 7, с. 45, изображение осталось мне недоступным. 20/ Сацидава, слой VII в., I.I // Scorpan C. Descoperiri archeiligice de la Sacidava // Pontika см. название издания, XI, 1978. (katalog № 55). 21/ Капидава, ? // изображение упомянутой в качестве аналогии № 20 пряжки осталось мне недоступным. 22/ Пыржоая, I.I // 28, с. 292-293, 290, рис. 1.10

Тип Папа. 1/ Кестхей, I.I // 1, № 32. 2/ Кунсентмартон п. I, I.I // 1, № 33. 3/ Сэрата-Монтеору п. I/43, I.I // 1, № 35. 4/ Дьед п. 34, I.I // 24, с. 39, табл. VI. 5/ Кернье п. 66, I.I // 6, с. 48-49, 87. 6/ Лучистое скл. 36, I.I // 7, с. 45, рис. 31. 4. 7/ Папа п. 1, I.4 // 1, № 31. 8/ Братей, I.4 // 1, № 34. 9/ Аромат скл. I, I.4 // 27, с. 139, рис. 4. 8. 10/ Печь-Кезтемето п. 54, I.5 // 24, с. 98, табл. XI. 11/ Истра, I.5 // 1, № 36. 12/ Коллекция Кофлер-Трунингера, I.5 // 1, № 38. 13/ Калиакра, I.? // Известна мне по схематичному рисунку А. К. Амброза, публикация осталась недоступной.

Подтип Капошвар. 1/ Капошварский музей, II.- // 1, № 39. 2/ Коллекция Дьергардта, I.4 // 1, № 40.

Тип Гатер. 1/ Свилоево, I.I-2 // 1, № 43. 2/ Цико. I.2 // 1, № 41. 3/ Пастырское, I/II.I // 1, № 46. 4/ Гатер п. 6, I/II.I // 1, № 42. 5/ Лучистое скл. 43, I.I-2 // 7, с. 45, рис. 31. 5. 6/ Самчинцы, I/II.2 // 1, № 48. 7/ Национальный музей в Будапеште, I/II.2 // 1, № 45. 8/ Пастырское, II.- // 1, № 47. 9/ Музей в Пече, II.- // 1, № 44. 10/ Коллекция Дьергардта, I/II.3 // 1, № 42.

Подтип Фримано. 1/ Фримано. I/II.2 // 1, № 50. 2/ Челега, I/II.2 // 1, № 51.

Тип "с противостоящими зверями". 1/ Драчевица, I.2 // 1, № 58. 2/ Надьхаршань п. 59, I.5 // 1, № 57. 3/ Леонардспунцен, I-II.- // 1, № 56. 4/ Алаттьян п. А, I/II // 1, № 59. 5/ Зоммерайн п. 48, I/II // 2, с. 44-45, табл. 32. 6/ Покасетек п. 360, I/II // 26, с. 426, 425, рис. 2. 10. 7/ Чепель, I/II // Городской музей в Будапеште, экспозиция. 8/ Велики Млун ок. Мстрии, I/II // 14, с. 342, табл. 6. 8.

Подтип Кестхей. 1/ Кестхей, I/II.3 // 1, № 53. 2/ Чакберень п. 508, I/II.3 // 1, № 55. 3/ Алшорахок, ? // 1, № 54, изображение осталось мне недоступным.

Отдельная форма. 1/ Север Донской области, I/II.2 // 1, № 61.

К восточным типам условно пока относятся: 1/ Афины?, I/II.- // 1, № 52. 2/ Семчиново, II.- // 1, № 60.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Uenze S. Die Schnallen mit Riemenschlaufe aus dem 6. und 7. Jahrh. // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 31. 1966.
2. Daim., Lippert F. Das awarische Gräberfeld von Sommerein am Leithagebirge. Nö. Wien, 1984.
3. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971, № 2.
4. Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.) // СА. 1973. № 4.
5. Vinski Z. Kasnoanticki starosjednost u Salonitanskoj regiji prema archeoloskoj ostavstini predslavenskog supstrata // Vjesnik za archeologiju i historiju dalmatinski. 1974. LXIX (1967).
6. Salamon A., Erdelyi I. Das volkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Környe. Budapest, 1970.
7. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднееримского и ранне-средневекового времени // МАИЭТ. Симферополь. 1990. Вып. I.
8. Амброз А. К. Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
9. Амброз А. К. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М., 1988.
10. Шувалов П. В. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н. э. Рукопись диссертации канд. ист. наук. Л., 1989.
11. Горюнов Е. А., Казанский М. М. К изучению раннесредневековых древностей Нижнего Подунавья VI-VII вв. // Славяне на Днестре и Дуане. Киев, 1983.
12. Акимова О. А. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
13. Pippidi O. M., Bordenache G., Efrimie V. Sectorul T - Condurachi si colabr. Santierul archeologie Histra // Materiale si cercetari archeologice. VII.
14. Marusic B. Nekropole VII i VIII stoljeca u Istru // Archeoloski Vjesnik. 1967. XVIII.
15. Martin M. Awarische und germanische Funde in Männergräbern von Linz-Zizlau und Környe. Ein Beitrag zur Chronologie der Awarenzeit // A Wozinski muzeum evkonyve. 1990. XV.
16. Somogy P. Typologie, Chronologie und Herkunft der Maskenbeschlage // Archaeologia Austriaca. 1987. 71
17. Пекарська Л. В. Про долю Мартинівського скарбу // УІЖ. 1991. № 6.
18. Horvath T. Die awarischen Gräberfelder von üllo und Kiskörös. Budapest, 1935.
19. Гавритухин И. О. К изучению изменений в материальной культуре севера Карпатской котловины в конце VI - начале VIII в. н. э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.
20. Гавритухин И. О. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестро-вья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.
21. Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V - первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

22. Амброз А. К. Рец. на: Erdelyi., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 // СА. 1973. № 2.
23. Мано-Зиси Т. Ископавана на Царичином Граду 1953 и 1954 године // Старинар. 1956. V-VI.
24. Kiss A. Avar Cemeteries in Country Baranya. Budapest, 1977.
25. Амброз А. К. Рец. на: Salamon A., Erdelyi I. Das volkervanderugszeitliche Gräberfeld von Környe. Вр., 1971 // СА. 1973. № 4.
26. A. Cs. Fruhmittelalterliche Brandbestattung mit Feinwage in Pokaszepetk // Slovenska archeologia. 1978. XXVI-2.
27. Лобода И. И. Новые раннесредневековые могильники в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 2.
28. Diaconu P. Obiecte romane Torzii de la Pirjoia // Studii s, i cercetari de istorie veche s. i archeologie. 1974. 25-2

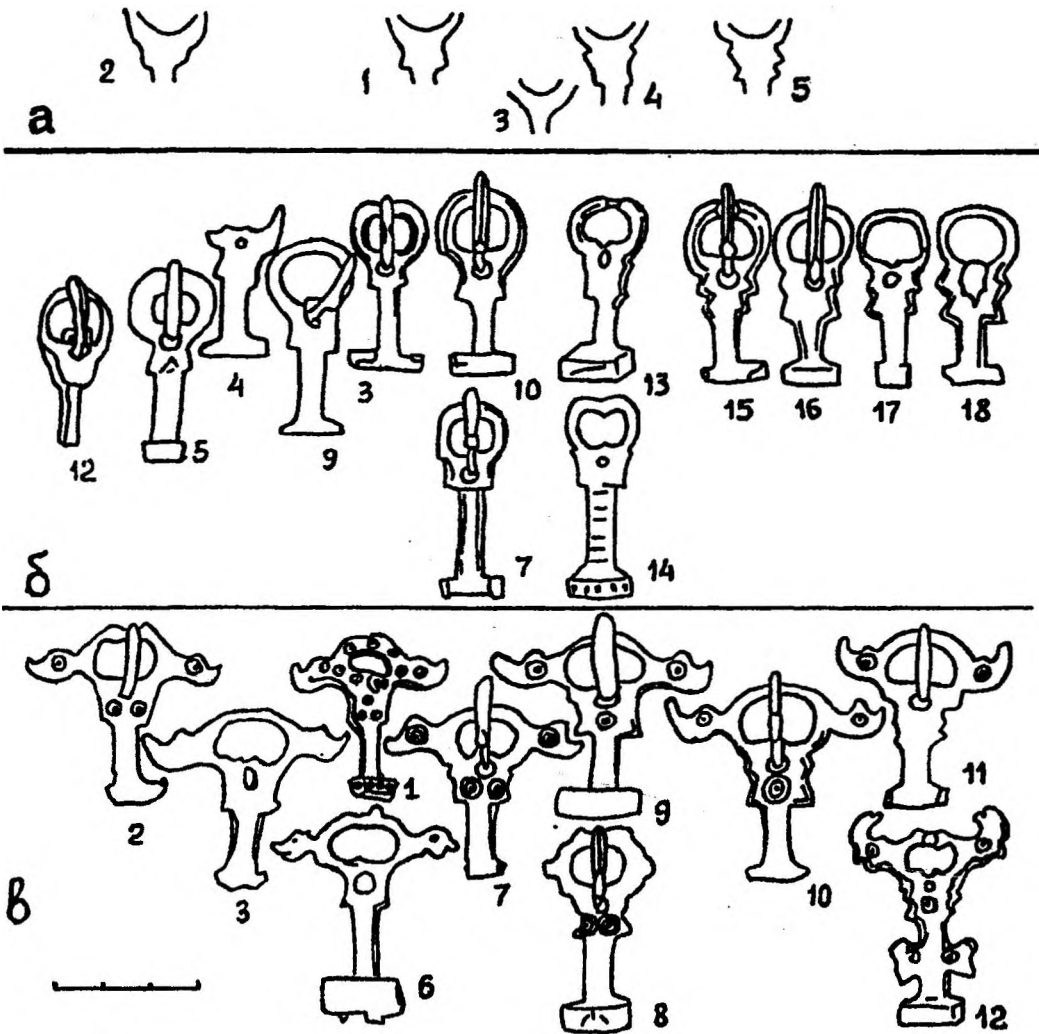

Рис. 1. Пряжки с коробчатой петлей «восточной» группы. Подгруппа I (провинциально-византийская). а) варианты перехода рамки пряжки к соединительной пластине; б) пряжки типа Салона-Истрия, сгруппированные по вариантам; в) пряжки типа Паца, сгруппированные по вариантам. Номера соответствуют каталогу.

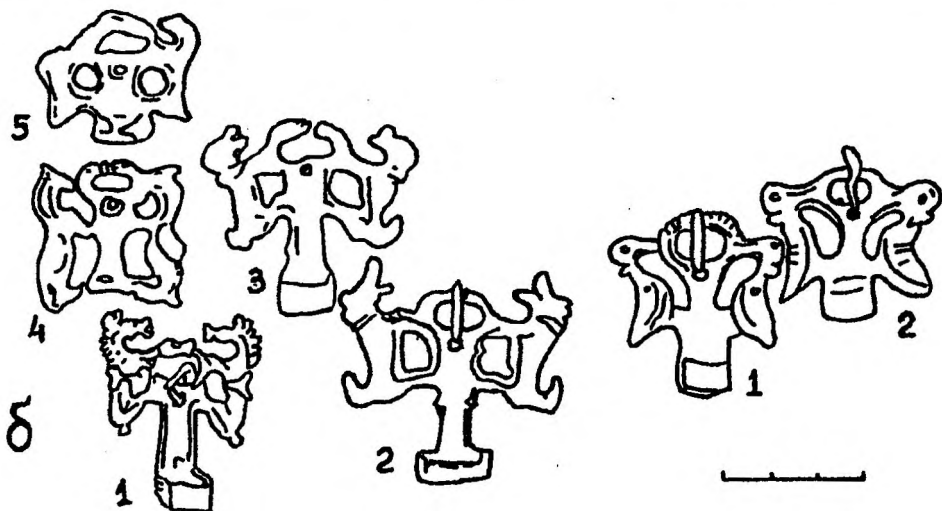
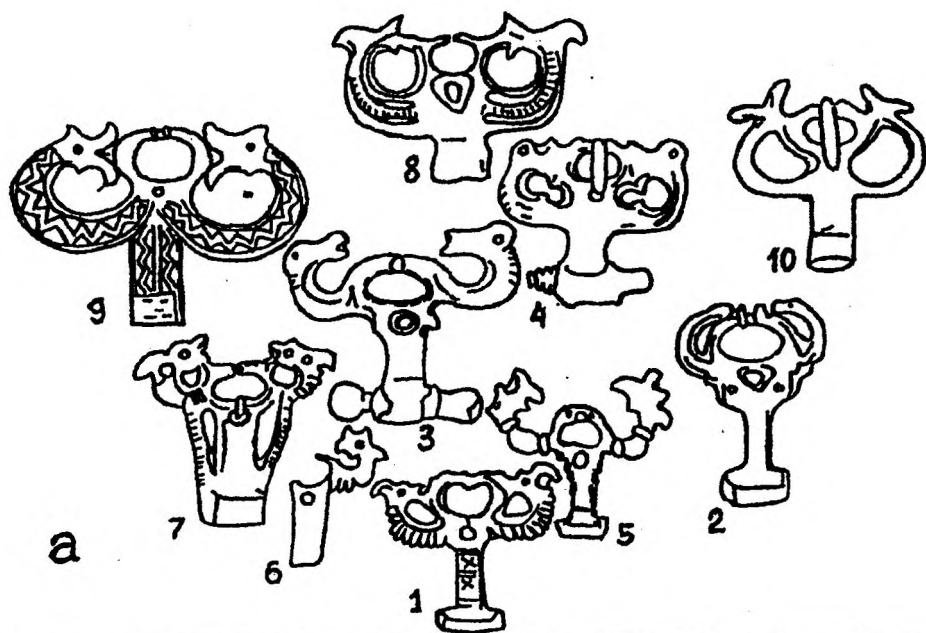
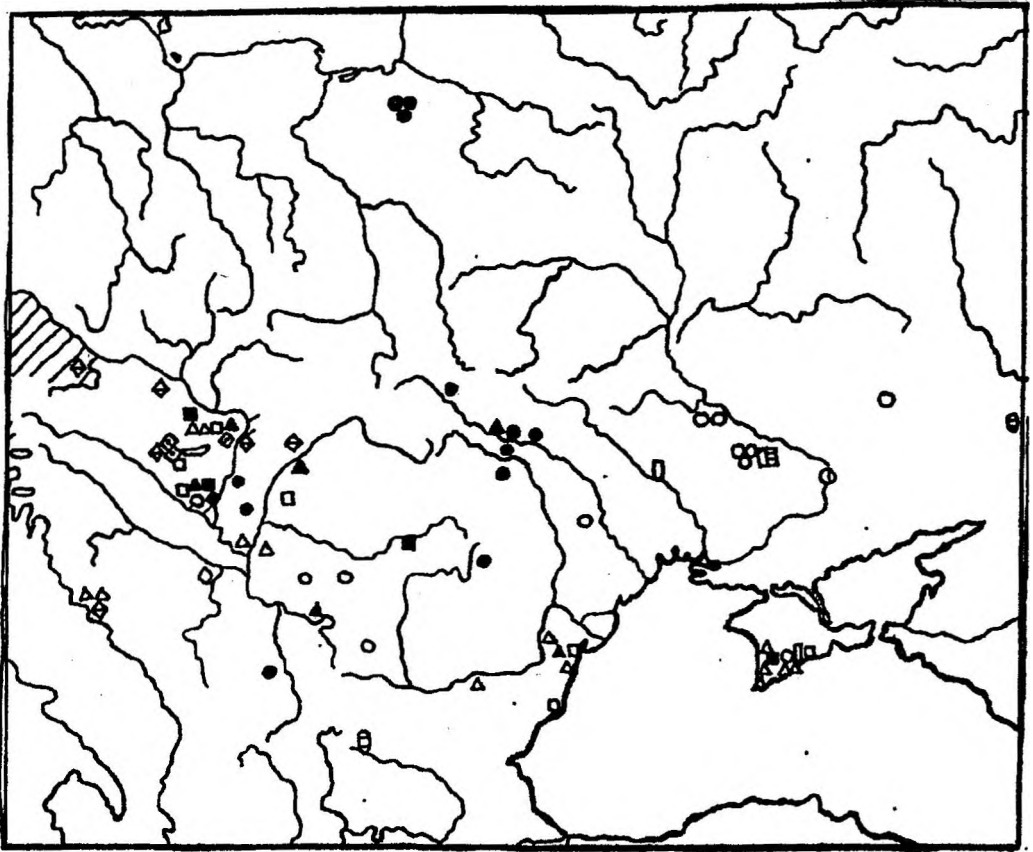

Рис. 2. Пряжки с коробчатой петлей «восточной» группы. Подгруппа II (дунайско-днепровская). а) эволюционный ряд пряжек типа Гатер; б) эволюционный ряд пряжек типа «с противостоящими зверями». Номера соответствуют каталогу.

● - а ○ - б △ - в □ - г □ - д ◇ - е ○ - ж ○ - з // - и

Рис. 3. Карта распространения пряжек с коробчатой петлей и некоторых типов пальчатых фибул VII в. из группы I по Й. Вернеру. а - фибулы вариантов, встреченных в Среднем Поднестровье; б - фибулы вариантов, встреченных в южной части Среднего Поднепровья (учтенные фибулы относятся к типам Сармизгетуса-Кишкереи, Пергам-Тай-зе, Марош-Гымбаш-Пергам; варианты даны по И. О. Гавритухину (11)); в - пряжки типа Салока-История; г - пряжки типа Папа; д - пряжки типа Гатер; е - пряжки с противостоящими зьярми; ж - пряжки подтипа Фримано; з - пряжки отдельных форм (значки пряжек залиты, если они относятся к вариантам 4-5, имеют в центре точку, если они относятся к варианту 3, имеют залитую середину - если относятся к сериям I/II (одну полосу) или II (две полосы); и - зона распространения пряжек «итальянских» и «баварских» типов.